

У

$\frac{41}{656}$

кн. 9

ЭБ

Протоіерей Іоаннъ Полянскій.

ЗАПИСКИ МИССИОНЕРА.

Бесѣды съ старообрядцами.

БИБЛИОТЕКА
ПРОТОІЕРЯ
І. І. ВОСТОРГО

Книжка 9.

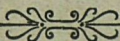
Вопль безпоповца.

Изданіе третье.

Первое изданіе Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобрено къ приобрѣтенію въ ученическія бібліотеки духовныхъ семинарій и въ бібліотеки церковныя, въ особенности въ бібліотеки тѣхъ церквей, въ приходахъ коихъ имѣются раскольники.

Цѣна 10 коп.

Книгоиздательство „Вѣрность“.

МОСКВА.

„Русская Печатня“. Садовая-Триумфальная, д. № 14.

1912.

Протоіерей Іоаннъ Полянскій.

II/406

V 41
656

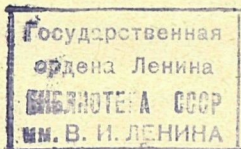
ЗАПИСКИ МИССИОНЕРА.

Книжка 9.

Воплъ безпоповца.

Изданіе третье.

Первое изданіе Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобрено къ приобрѣтенію въ ученическія библіотеки духовныхъ семинарій и въ библіотеки церковныя, въ особенности въ библіотеки тѣхъ церквей, въ приходахъ коихъ имѣются раскольники.

МОСКВА.

„Русская Печатня“, Садовая-Триумфальная, д. № 14.
1912.

№ 6176

1968.11

47
1150

2004031133

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

3263-04

Вопль безпоповца.

I.

По перстамъ не угадать, кто какой вѣры.

5 сентября 1890 года, въ среду, мы съ о. Александромъ ѣздили изъ села Флоровскаго въ деревню Курочкино. Собесѣдованіе происходило въ просторной избѣ крестьянина Ивана Колесова. Началось оно съ 11 часовъ утра. Вотъ мы собрались на бесѣду,—сказаль я,—не для пѣсенъ и шутокъ, а для великаго дѣла. Намъ необходимо рѣшить, гдѣ истинная вѣра: у старообрядцевъ, или у насъ, и если у старообрядцевъ, то у какихъ именно? Вѣдь у васъ въ приходѣ не одна, а три старыхъ вѣры: спасовщина, филиповщина и странничество. Если бы кто изъ насъ захотѣлъ перейти отъ церкви въ старовѣрье, онъ долженъ прежде всего подумать, къ какой изъ этихъ трехъ вѣръ ему пристать. Пристать же сразу ко всѣмъ тремъ нельзя, потому что эти старыя вѣры вѣчно во враждѣ одна съ другой, и не разорваться же одному человѣку на три части, чтобы угодить и спасовцамъ, и филиповцамъ, и странникамъ. Филиповцы перекрещиваютъ странниковъ, странники филиповцевъ, а спасовцы считаютъ всѣхъ вообще перекрещеванъ безбожниками,—это мнѣ вчера самъ Осипъ Михайловъ (въ Маломъ Займищѣ) сказаль. Вотъ сколько мира и согласія между самими старовѣрами! А вѣдь одинаго не найдешь между ними, кто бы крестился троеперстно,—всѣ дуперстники!

— Да и мы почти всѣ крестимся большимъ крестомъ (дуперстно),—сказали нѣкоторые изъ православныхъ.

— Что же,—спросиль я,—старовѣры считаютъ васъ за это своими единовѣрцами?

— Нѣтъ!

— Если бы не только вы одни, прихожане Флоровской церкви, но и всѣ мы—и міряне, и священники, и архіе-

реи по всему свѣту стали креститься двуперстно, то и тогда бы старовѣры не сочли насъ за своихъ. Въ Вологодской епархіи, въ селѣ Домшинѣ, есть церковь, гдѣ служба идетъ по книгамъ патріарха Іосифа, и священникъ крестится и благословляетъ двуперстно,—и все же безпоповцы знаютъ ея не хотятъ и не ходятъ въ нее. Вѣдь имъ совсѣмъ не то надо, чтобы мы крестились двуперстно,—имъ прежде всего надобно, чтобы у насъ не было литургіи, чтобы мы никогда во всю жизнь, даже передъ смертію, не причащались святыхъ даровъ, тѣла и крови Христовыхъ, чтобы наши дѣти не были мвропомазуемы, чтобы наши больные не были соборованы... Вотъ, если мы оставимъ почти всѣ Христовы таинства, а которыя и удержимъ, тѣ предоставимъ совершать не священникамъ, а простолюдинамъ,—только тогда мы и угодимъ безпоповцамъ, тогда только и сочтутъ они насъ за своихъ... Не думайте, что вся разница между ими и нами въ перстосложеніи. Перстосложеніе далеко не главное дѣло въ нашихъ спорахъ о вѣрѣ: двуперстно молятся у васъ православные, спасовцы, филипповцы и странники. Видите, въ четырехъ совершенно различныхъ вѣрахъ одинаковое перстосложеніе. Значитъ, по пальцамъ не угадать, кто какой вѣры. И гдѣ истинная вѣра и истинная Христова церковь—опять же не угадать по пальцамъ. Для этого надобно книги читать.

II.

И у еретиковъ есть священство и таинства.

И я хотѣлъ было взяться за чтеніе. Въ это время въ избу вошла новая толпа народа. „Вотъ и Лука Ивановичъ пришелъ!“—заговорили мужики. Лука Ивановичъ Астраханцевъ крестьянинъ сосѣдней деревни Шемейкина; онъ принадлежитъ къ сектѣ филипповцевъ и считается у здѣшнихъ старовѣровъ большимъ начетчикомъ и учителемъ. Я видѣлъ этого Луку дня за два передъ Курочкинской бесѣдой, и немного разговаривалъ съ нимъ о вѣрѣ. Теперь я встрѣтилъ его, какъ своего знакомаго. „Садись, Лука Ивановичъ!“—и предложилъ ему мѣсто за столомъ, гдѣ сидѣли мы съ батюшкой и о. діакономъ. Но Лука Ивановичъ отказывался: „нѣтъ, я постою“.—Садись! удоб-

нѣе, сидя, бесѣдовать!—Наконецъ, онъ сѣлъ съ краю стола, рядомъ съ бѣлокуримъ парнемъ лѣтъ 25, Александромъ Степановымъ, тоже филипповцемъ. Я объяснилъ ново-прибывшимъ съ Лукою, о чемъ идетъ рѣчь, и сталъ читать 25-ю главу изъ Большого Катихизиса. Какъ и наканунѣ въ Маломъ Займищѣ, при чтеніи я дѣлалъ по мѣстамъ необходимыя поясненія. Кончивъ чтеніе, я сказалъ: Извѣстно, что филипповцы свое согласіе считаютъ церковію, спасовцы—свое, и всякій старовѣрскій толкъ только себя признаетъ за церковь. Но, если вѣрить старымъ книгамъ, истинная Христова церковь не то что сотни лѣтъ, а даже единой минуты не можетъ пребыть безъ священства и безъ всѣхъ семи таинствъ. Значить, явно, что она не у старовѣровъ...

— Ваше смиреніе!—обратился ко мнѣ Лука. Мы не споримъ; мы сами знаемъ, что нѣсть церковь безъ священства и безъ таинствъ. Но священноначаліе и таинства есть и у латинянъ.

— Вѣрно; есть.

— А они—еретики.

— Ну, такъ что же?

— Ваше высокоблагословеніе! позвольте мнѣ пояснить мысль Луки Ивановича,—сказалъ бывший на бесѣдѣ крестьянинъ деревни Ципелева, Раменскаго прихода, Алексѣй Леонтіевъ Кряквичевъ. Конечно, я позволилъ ему говорить. „Я,—началъ онъ,—коротко, можно сказать, знакомъ со здѣшними старообрядцами и знаю ихъ мысли о вѣрѣ. Вы, о. Іоаннъ, говорите, что старообрядцы потому не составляютъ изъ себя истинной церкви, что у нихъ нѣтъ ни священства, ни таинствъ; а Лука Ивановичъ возражаетъ вамъ, что священство и таинства есть и у латинянъ, и однако, при всемъ томъ, латиняне—еретики. Старообрядцы относительно господствующей въ Россіи церкви имѣютъ сомнѣніе: они приравниваютъ ее къ латинской; не порицаютъ и не осуждаютъ ее за то, что въ ней есть и священство и таинства, но они думаютъ, что она ввела многія ереси, подобно какъ и латинская“. Лука сказалъ: „Да, намъ необходимо прежде всего удостовѣриться, что самая вѣра ваша, т.е. догматы и ученіе, не причастны ереси“. Для меня стало ясно, что Лука Ивановъ желаетъ

говорить не о томъ, о чемъ я началъ. Ему хотѣлось говорить о троеперстїи, о пяти просфорахъ и о прочихъ предметахъ, изъ-за которыхъ старообрядцы чуждаются нашей церкви. Но мнѣ не хотѣлось оставить начатой рѣчи и я отвѣчалъ: Послушайте! О нашей церкви, если Богъ дастъ, еще успѣемъ поговорить. Сейчасъ же я, на основанїи старопечатныхъ книгъ, рѣшительно утверждаю: въ православной церкви необходимо должны быть на лицо и священство и всѣ семь таинъ. Мы православны, или старовѣры? въ насъ церковь, или въ нихъ?—вотъ вопросъ, который мы рѣшаемъ. Большой Катихизисъ помогаетъ намъ его рѣшить. Онъ говоритъ: гдѣ православная вѣра и церковь, тамъ непременно есть и священство и всѣ семь таинствъ,—безъ нихъ не можетъ существовать церковь. По ученїю этой книги, въ безпоповщинѣ не возможно даже и предположить, а не то-что искать церкви. Старовѣры всегда очень любятъ толковать о чужихъ ересяхъ. Вотъ и Лука Ивановичъ упомянулъ о латинянахъ. Латиняне теперь еретики; но вѣдь было время, когда они принадлежали къ православной церкви. Потомъ они отдѣлились отъ нея, но и въ отдѣленїи своемъ удержали очень многое изъ православной вѣры, между прочимъ священство и таинства. И за это ихъ нельзя порицать. И насъ старовѣры не порицаютъ за то, что у насъ есть и священство и таинства. Еще бы они стали порицать?! Вѣдь они знаютъ, что священство и всѣ таинства всегда были въ православной церкви. Знаете ли вы, кто установилъ священство и таинства?

— Господь Иисусъ Христосъ,—сказалъ Лука.

— Ну, теперь я буду разсуждать отъ лица старовѣровъ: „Мы, старовѣры, составляемъ единую, святую, соборную и апостольскую церковь. Церковь эта началась не съ Никона патріарха, а съ самого Господа нашего Иисуса Христа. Онъ установилъ во своей церкви и священство и таинства. Но у насъ священства совсѣмъ нѣтъ, а таинствъ почти нѣтъ. Вотъ еретики—латиняне, никониане—имѣютъ все въ полнотѣ, они больше насъ похожи на описанную въ Большомъ Катихизисѣ церковь“... Вѣдь вотъ къ чему приводитъ васъ, Лука Ивановичъ, твое упоминанїе о латинянахъ. Выходитъ, что сами старовѣры произносятъ

приговоръ надъ своей церковью, сами признаются, что у нея нѣтъ даже такого сходства съ древнею православною церковію, какое есть и у еретическихъ церквей. Вѣдь не скажете же вы, что въ древности, до Никона патріарха, въ православной церкви все было по-вашему: храмовъ съ алтарями не было, священниковъ, архіереевъ не было, причащенія и прочихъ таинствъ тоже не было? Вѣдь это все не Никонъ выдумалъ?

— Про это нечего и говорить,—сказаль Лука.—Сами знаемъ, что все это тогда было. Но теперъ не тѣ времена. Теперъ, по-нашему, самое горькоплачевное время: все благочестіе порушено...

— Гдѣ же оно порушено: у еретиковъ, или у православныхъ? Видишь ли, Лука Ивановичъ: вы и сами не скрываете, да и скрыть вамъ нельзя, что у васъ, у старовѣровъ, очень многого не имѣется въ вѣрѣ изъ того, что установилъ самъ Спаситель и что было у православныхъ до Никона. И однако же самихъ себя вы считаете православными. Вамъ надобно будетъ сказать, что не у однихъ еретиковъ благочестіе порушено. У еретиковъ оно дѣйствительно порушено; потому-то они и еретики, что у нихъ благочестіе порушено. Но порушено оно, оказывается, и у васъ: священства у васъ нѣтъ, браковъ нѣтъ причастія нѣтъ—все это у васъ порушено. Какое жъ это такое благочестіе ваше, православіе ваше, когда въ немъ столько порухи?! Во Христовой церкви все должно быть безъ перемѣнъ...

— Знаемъ мы все это, знаемъ... Нѣсть церковь безъ священства и безъ таинствъ,—да гдѣ же намъ взять ихъ?! Когда ты говоришь о причастіи, кипитъ у насъ все вотъ тутъ, внутри (Лука дотронулся рукой до своей груди). Вѣдь не безчувственные мы!—и намъ страшно слово Христово: *аминь, аминь, глаголю вамъ: аще не съѣсте плоти сына человѣческаго, ни пїете крове его, живота не имате въ себѣ*, какъ писано въ 23 зачалѣ Евангелія отъ Иоанна! Мы тоже читаемъ слово Божіе...

— Это очень хорошо, что читаете. Грамотному христіанину грѣхъ не читать его. Но если тамъ написано, что надобно причащаться, то нужно исполнять это повелѣніе и на самомъ дѣлѣ причащаться. Кто не причащается,

тотъ проитвникъ Евангелію и самому Христу, потому что евангѣльская заповѣдь о причащеніи—Его заповѣдь.

— Отошло время! Теперъ нѣтъ на свѣтѣ причастія! Какое можетъ быть причастіе, когда Никонъ вмѣсто креста ввелъ щепоть!—закричало сразу нѣсколько голосовъ. Я услышалъ знакомый мнѣ голосъ Андрея Колесова, брата того крестьянина, въ домѣ у котораго бесѣдовали.

— Андрей,—говорю,—какъ ты можешь знаменіе Святой Троицы ругать щепотью? Не хорошо!

— Ну, извините. А только я отъ старовѣровъ слыхалъ, что послѣ перемѣны креста негдѣ стало причащаться (самъ Андрей еще числится православнымъ, не перекрещень еще).

— Да вѣдь у старовѣровъ крестъ не перемѣненъ! Они говорятъ, что у нихъ все остается безъ перемѣнъ, по-старому, какъ было до Никона. Встарину же было причастіе: значить, и у нихъ оно должно быть. Пусть, по-ихнему, его не можетъ быть тамъ, гдѣ перемѣненъ крестъ,—пусть будетъ, что у насъ нельзя причащаться; но вѣдь у нихъ крестъ не перемѣненъ: отчего же у нихъ не причащаются? Самъ же Лука сказалъ, что въ Евангеліи Спаситель угрожаетъ лишеніемъ вѣчнаго живота тому, кто не причащается. Вѣдь вы всѣ слышали, что Лука Ивановичъ прочиталъ изъ Евангелія?

III.

Безпоповщинская нужда.

Разговоръ оборвался. Лука сидѣлъ задумавшись. Опять выручилъ его Алексѣй Леонтьевъ: „О. Іоаннъ! старообрядцы говорятъ, что по нуждѣ можно обойдтись и безъ причастія, а все-таки спасись!“

Эти слова вывели Луку изъ раздумья, онъ заговорилъ: Въ Большомъ Катихизисѣ на листу 356 и 357 пишется: „Крещеніе и причащеніе и покаяніе сиче нуждно потребни суть всякому во спасеніе, да спасется, якоже корабль во преплытіе глубины морскія, безъ нихже ни единъ спастися можетъ, развѣ аще не возможетъ ихъ употреблять, возжелѣвъ ихъ“. И еще: „Сего ради пренебрегій я, немощень есть и неизвѣстенъ, ниже утверждень во своемъ

спасеніи, развѣ аще бы я вожделѣлъ и не возмогъ бы ихъ употреблять“. Лука прочиталъ эти слова безъ книги, наизусть, скороговоркой. Было ясно, что слова эти изъ Большого Катихизиса хорошо знакомы ему. Онъ особенный нажимъ голоса сдѣлалъ на этой оговоркѣ: „развѣ аще не возмогетъ употреблять“. Очевидно, что въ этихъ словахъ онъ находилъ успокоеніе своей совѣсти, смущаемой грознымъ гласомъ Господа: „живота не имате въ себѣ“. „Вотъ мы, и находимся теперъ въ такой нуждѣ, что при всемъ нашемъ сильномъ, можно сказать, огненальномъ желаніи, не можемъ, по неимѣнію истиннаго священства, причаститься; а не то, чтобы мы пренебрегали таинствами, или не хотѣли ихъ употреблять. Вѣдь мы—христіане и вѣруемъ въ словеса Господа; но не можемъ ихъ исполнять. Что же намъ подѣлать?!—горячо проговорилъ Лука.

— Что вамъ дѣлать? То же, что и намъ: вѣровать, что всякое слово Господа нашего Иисуса Христа истинно, а не ложно; идти въ своей жизни тѣмъ царскимъ, прямымъ путемъ, который Онъ всѣмъ указалъ: исполнять то, что Онъ велитъ намъ, и брать изъ Его пречистыхъ рукъ ту благодать, какую Онъ даетъ намъ и безъ которой невозможно спастись. Намъ необходимо всегда въ памяти своей содержать слово, реченное Имъ: *азъ есмь путь и истина и животъ* (Іоан. 14, 6; зач. 47). Не надобно сбиваться съ пути Христова; не надо вѣровать въ людскія, несогласныя съ Евангеліемъ, мудрованія; не надо измышлять другихъ средствъ къ животу вѣчному, помимо однажды навѣки дарованныхъ Христомъ. Короче сказать—надобно пребывать во Христовой церкви. Вотъ что надобно дѣлать. Не говори ты, Лука Ивановичъ, что вы, старообрядцы, не можете исполнять велѣній Христовыхъ. Не обличайте самихъ себя въ ослушаніи Евангелію. Гдѣ же наша вѣра, если мы не можемъ исполнять ученія Христова? Если вѣруете, то и вы возможете исполнять его. Все дѣло въ вѣрѣ. Не будьте маловѣрными.

— Вѣдь мы вѣруемъ же. Мы вожделѣемъ употреблять Христовы таинства; да не можемъ. Вѣдь сказано же въ Большомъ Катихизисѣ...

— Въ Катихизисѣ, Лука Ивановичъ сказано, да и ты самъ уже вычиталъ намъ, что *крещеніе и причащеніе и покаяніе сице нужно потребни суть всякому во спасеніе, да спасется, якоже корабль въ преплытіе глубины морскія, безъ нихже ни единъ спастися можетъ*. Просто и ясно: никому [нельзя переплыть глубину морскую безъ корабля—утонешь; никому нельзя спастись безъ крещенія, причащенія и покаянія—погибнешь. Но, сдѣлана оговорка,—не погибнетъ и безъ этихъ таинствъ человѣкъ, который не употребляетъ ихъ, однако не по небреженію, а по какой-нибудь невозможности,—*развѣ аще не возможетъ ихъ употребляти, возделѣвъ ихъ*. Кажется, всякому понятно, что здѣсь рѣчь идетъ не обо всей церкви, а объ отдѣльномъ человѣкѣ. Говорится обо мнѣ, примѣрно, или о тебѣ, Лука Ивановичъ. Всякому изъ насъ необходимо быть крещенымъ, а по крещеніи прибѣгать къ покаянію и причащенію. Гдѣ же можемъ мы найти сіи святыя таинства?—Нигдѣ, какъ только въ православной церкви. Но, положимъ, что человѣкъ, вѣрующій во Христа, но еще не крещенный, по какимъ-либо обстоятельствамъ очутился въ такой странѣ, гдѣ даже имени Христова не слышали, гдѣ нѣтъ ни одного православнаго храма, ни одного православнаго священника. Гдѣ этому человѣку присоединиться къ церкви, кто его окрестить, передъ кѣмъ онъ покается въ своихъ грѣхахъ и изъ чьихъ рукъ приметъ пречистые Христовы дары? Положимъ, что онъ такъ и умретъ. Вотъ про такого-то человѣка, который „не возмогъ употребить святыя таинства, возделѣвъ ихъ“, позволительно будетъ сказать, что онъ все-таки, и безъ таинствъ, можетъ спастись. Или вотъ еще что возможно,—и это можетъ случиться во всякомъ приходѣ: христіанинъ гдѣ-нибудь въ лѣсу, въ дорогѣ, одинъ, сразу почувствовалъ приближеніе смерти; знаетъ, что надобно раскаяться въ грѣхахъ своихъ и напутствоваться на тотъ свѣтъ святыми тайнами, а священника, который бы исповѣдывалъ его и причастилъ, нѣтъ при немъ... Онъ умираетъ безъ покаянія и безъ причастія. Опять, такой человѣкъ можетъ спастись, потому что, хотя онъ и не покался и не причастился передъ смертію, но, во-первыхъ, онъ и прежде не разъ употреблялъ сіи таинства, а во-вторыхъ,

онъ и теперь отъ всей души „вождедѣль ихъ употребито, но не возмоглъ“. Вотъ если бы старовѣры оказались въ подобномъ положеніи, тогда бы вамъ можно было оправдываться этимъ словечкомъ изъ Большого Катихизиса „мы вождедѣмъ, но не можемъ употреблять святыя тайны“. А теперь оно къ вамъ нисколько не примѣнимо.

— Какъ не примѣнимо? Развѣ мы не желаемъ употреблять святыя тайны?

— А вотъ какъ не примѣнимо: тамъ, въ Большомъ Катихизисѣ, говорится, что съ отдѣльнымъ человѣкомъ, напр., съ Лукой, съ Иваномъ, съ Теодоромъ, можетъ случиться, что онъ, при всемъ его желаніи, не возможетъ употреблять святыхъ таинствъ; а у васъ, у старовѣровъ, вышло, что не одинъ человѣкъ, не два, а рѣшительно всѣ вы не можете причащаться святыхъ Христовыхъ таинъ, и не отъ того, чтобы вы жили гдѣ-либо въ иновѣрной странѣ, или временно и случайно вдали отъ своихъ духовныхъ отцовъ и отъ своихъ церквей... Нѣтъ, совсѣмъ не по этой причинѣ вы не причащаетесь: моленные, или ваши храмы, въ каждой деревнѣ,—не далеко отъ васъ; отцы ваши духовные съ вами вмѣстѣ живутъ,—значить, вы живете не вдали отъ своего братства, не внѣ своей церкви,—ваше братство и есть ваша церковь, и каждый изъ васъ въ ней стало-быть и живетъ. Бѣда ваша именно въ томъ, что въ вашей церкви, въ вашей вѣрѣ, нѣтъ этого великаго таинства, такъ что вамъ и пожелать-то употребить его невозможно. Поймите вы, старовѣры, какая ваша вѣра: у васъ не человѣкъ одинъ, или два лишаются святыхъ Христовыхъ таинъ, но вся ваша церковь лишилась сихъ спасительныхъ средствъ,—нечѣмъ ей стало спасать своихъ чадъ! Жаль намъ васъ, несчастныхъ: вѣдь вы желаете получить спасеніе, и все же вамъ невозможно спастись, потому что, какъ безъ корабля не переплыть моря, такъ и безъ таинствъ не спастись...

— У насъ есть же крещеніе и покаяніе!

— Только два таинства?

— По нуждѣ и двумя довольствуемся.

— А сколько бы надо ихъ, еслибы содержать вѣру не по вашей нуждѣ, а по заповѣдямъ Христовымъ?

— Седмь,—знаемъ мы это.

— Вѣрно; именно семь. И будь ваше филипповское согласіе дѣйствительно Христовой церковію, то у васъ были бы въ наличности всѣ семь таинствъ, потому что въ томъ же Большомъ Катихизисѣ написано: *всюды безъ всякаго сомнѣнія, яко въ церкви Божіей не двѣ точію суть таинъ, но всесовершенно семь* (л. 360 об). Вотъ вы все хвалитесь, что у васъ нѣтъ никакихъ измѣненій противъ старины; но встарину было въ церкви семь таинъ, а у васъ теперь только два—по-вашему счету: куда же у васъ дѣлись остальные пять таинствъ? Зачѣмъ ихъ у васъ стало меньше, чѣмъ слѣдуетъ? Развѣ вы не знаете, что „аще кто прибавить, или убавить, анаѣма да будетъ“? Не вы ли стоите на этомъ словѣ? И сами же его разрушаете. Вотъ мы боимся этой анаѣмы; у насъ, какъ и должно, на лицо всѣ семь таинствъ. Мы приняли отъ отца нашихъ всѣ таинства вѣры православной и передадимъ ихъ въ полнотѣ нашимъ дѣтямъ, какъ нерушимое заповѣдное наслѣдіе Христово. А вы многое растеряли изъ этого наслѣдства. Эти семь таинствъ—суть дары, которыми одарилъ и наградилъ Женихъ—Христосъ возлюбленную свою невѣсту—церковь. Дѣйствительно Христова церковь—вѣрна Христу, дорожить Его дарами и соблюдать ихъ во всей цѣлости и сохранности до втораго пришествія Его на землю. А та церковь, которая не сохранила всѣхъ даровъ Христовыхъ, какъ можетъ считать себя вѣрной Его невѣстой?

— Вы все толкуете о полномъ, седмичномъ числѣ церковныхъ таинствъ... Мы и рады бы все имѣть и все совершать, что повелѣвается въ книгахъ, но не дерзаемъ, потому что у насъ нѣтъ священниковъ. Развѣ можно восхищать недарованное? Развѣ можно простецу совершить литургію?

— Конечно, нельзя. Но зачѣмъ же восхищать недарованное? Надо брать лишь то, что даютъ. Благодать священства—тоже даръ Царя-Христа, и его хранить церковь, которой Онъ далъ и этотъ даръ, какъ и другіе. Во Христовой церкви есть законные священники, а не восхитители недарованнаго... Видите, какъ ни начни разсуждать, а непременно придешь къ вопросу о церкви. И сами вы

говорите, что безъ церкви невозможно спастись; а изъ вашихъ же старыхъ книгъ видно, что въ вашихъ безпоповскихъ обществахъ нѣтъ этой спасительницы.

IV.

Неразрушимость церкви.

— А зачѣмъ Соловецкій разорили? Какъ разорили Соловецкій, не стало больше ни церкви, ни тайнъ! Нечего и спрашивать со старовѣровъ того, что у нихъ отнято и разорено...— Это прокричалъ Андрей Ивановъ. Нѣкоторые поддержали его слова. Я отвѣчалъ: Неужели вы думаете, что пушки царя Алексѣя Михайловича могли разорить церковь Христову? Если онѣ и могли что сдѣлать, то только именно разорить стѣны, созданныя руками человѣческими.

— А за что было и стѣны разорять?

— Это другое дѣло... Если тебѣ жалко стѣнъ, то утѣшься: говорятъ, что стѣны эти и теперь необыкновенной прочности, выдержали даже осаду англичанъ въ 1854 году. Стѣны и теперь стоятъ попрежнему, онѣ лишь немного были попорчены пушечными ядрами. И храмы, бывшіе за крѣпкими стѣнами внутри монастыря, во время осады нисколько не были тронуты пушками,—и храмы стоятъ по прежнему. Значить, не правда, что были разорены стѣны и храмы соловецкіе. А хотя бы это и правда была, все же не вѣрно, что тогда, во время осады, могла быть разорена Христова церковь. Вѣдь церковь, по слову Златоустаго, „не стѣны и покровъ, но вѣра и житіе“... Сами безпоповцы постоянно твердятъ эти слова и не понимаютъ ихъ. Стѣны монастыря, стѣны храма созидаютъ люди изъ камней, изъ деревъ: смертные создатели! разрушимый матеріаль! И постройки людскія горятъ, разрушаются, подлежатъ времени тлѣнію. Церковь же, въ которую вѣруемъ, создалъ не человѣкъ, но Христосъ Богъ, и создалъ изъ неразрушимаго матеріала—изъ вѣры въ Него,—Онъ самъ сказалъ про нее: *созижду церковь мою и врата адава не одолѣютъ ей* (Матѳ. зач. 67). Какъ же могли разорить ее пушки царя Алексѣя Михайловича? Этого и помыслить невозможно.

— Вѣдь они, Соловецкіе-то иноки, за старую вѣру стояли!

— Ну, стояли... да вѣдь не отстояли?

— Да гдѣ же противъ пушекъ было устоять!

— А въ книгѣ О вѣрѣ, на листу 25-мъ, написано: „О ней (о церкви) словеса Христова исполняются, яко врата адова не одолѣютъ ей. Святой Іоаннъ Златоустый, въ словѣ на пятидесятницу, врата адова бѣды парицаеть, иже смерти рождаютъ. И врата адова, рече Христось, будутъ нападати на ню, но не премогутъ ей. Что же? Борима будетъ, но одолѣнія не прииметь. Бурю приемлетъ церковь, но не потопляется. Смотри: мучители, цари, мечи остры, звѣрей зубы, смерти, нещи, рудѣ желѣзній, гаки (млаты—молоты, можно прибавить: пушки) и туль свой діаволь испраздни, а церкви не повреди. Колико много воеваша мучителей, и ни единъ одолѣ; сами погибоша, а церковь въ цѣлости оста“. И Теофілатъ Болгарскій говоритъ въ толкованіи на 67 зачало отъ Матѳея, что никакіе гонители, ни еретики, ни грѣхи не могутъ одолѣть созданной Господомъ церкви. Да и всѣ святые согласно увѣряютъ, что нѣтъ такой силы, которая одолѣла бы Христову церковь,—она неодолима отъ вратъ адовыхъ. Только старовѣры выдумали, будто пушками можно ее разрушить. Пушками можно разорить храмъ, плохо построенный руками человѣческими, а не церковь, Христомъ созданную. Не о людской постройкѣ Онъ сказалъ: *созижду церковь мою, и врата адова не одолѣютъ ей*. Поэтому, хотя бы по всей землѣ были разорены всѣ до одного храмы, все же уцѣлѣетъ созданная Христомъ церковь, то-есть пребудутъ до скончанія вѣка и правая вѣра, т.-е. православно вѣрующіе во Христа, и Христомъ учрежденное священство и спасительныя Его таинства.

— По нынѣшнему времени церковь можетъ состояться и безъ священства, изъ одного народа. (Это сказалъ Александръ Степановъ, рядомъ съ которымъ сидѣлъ Лука.)

— Лука Ивановичъ!—скажи по совѣсти, писано ли гдѣ то, что говоритъ Александръ?

— Писано, что безъ епископовъ можно обойтись.

— Гдѣ же?

— Въ 10 Мелетіевомъ посланіи въ Кирилловой книгѣ.

— О какихъ же тамъ епископахъ писано: о православныхъ, или объ еретическихъ?

— Объ еретическихъ, объ отступникахъ; сказано, что и безъ нихъ можно обойтись.

— Вѣрно; но писано ли гдѣ, что православная церковь можетъ существовать безъ православныхъ епископовъ?

— Объ этомъ нигдѣ не видится въ Писаніи.

— Тогда какъ же вамъ быть?

— Нужда наша...

— Нужда... Опять эта ваша нужда. Но ужели церковь, невѣста Христова, можетъ терпѣть такую нужду?

— Церковь-то и теперь не въ нуждѣ; а мы—въ нуждѣ.

Я удивился: Лука сталъ различать церковь отъ старо-вѣрья. Старовѣры въ нуждѣ, у нихъ нѣтъ ни священства, ни таинствъ, ни храмовъ. А церковь не въ нуждѣ; значить, у нея все это есть.

— Гдѣ же эта церковь, не терпящая ни въ чемъ нужды?

— Не знаемъ, и указать не можемъ,—міръ великъ.

— Почему же не можете ее указать?

— Дара прозорливости не имѣемъ...

— Ну, молитесь, чтобы Господь даровалъ вамъ прозрѣніе. Не видѣть свѣта можетъ только слѣпой глазами. Только слѣпой вѣрою не можетъ видѣть церкви, потому что она—вся свѣтъ. Она, по слову апостола, есть „жена, облеченная въ солнце, подъ ногами ея луна, и на главѣ ея вѣнецъ изъ двѣнадцати звѣздъ“ (Апокалипс. гл. 12, ст. 1). Кто вѣруеть во Христа и видитъ Его, тѣ вѣрують въ церковь и видятъ ее, Его возлюбленную невѣсту. Ты, Лука Ивановичъ, говоришь: „міръ великъ,—не знаемъ, гдѣ церковь“. Въ отвѣтъ тебѣ на это я напому только слово Златоуста изъ Маргарита: „удобнѣйше есть солнцу угаснути, нежели церкви безъ вѣсти быти“ (л. 193). Невозможно, чтобы зрячій не зналъ, гдѣ на небѣ солнце; невозможно, чтобы вѣрующій не зналъ, гдѣ въ мірѣ церковь.

Эти слова Луки: „дара прозорливости не имѣемъ“ были подхвачены старообрядцами, и они долго повторяли ихъ,—иные даже нѣсколько въ измѣненномъ видѣ: дара „пророческаго“ не имѣемъ.

— Послушайте!—сказаль я, когда утихли голоса.—До чего же мы договорились? Одинъ челоувѣкъ (Андрей Ивановъ) говоритъ то, что онъ затвердилъ со словъ старовѣровъ: церкви, которая была до Никона патріарха, со священствомъ и со всеми таинствами, т.е. истинной Христовой, теперь нѣтъ на свѣтѣ. Другой челоувѣкъ (Александръ Степановъ) сказаль: нѣтъ, церковь Христова и теперь есть,—только она уже не такова, какою ее создалъ Христось,—но все же она Христова, и эта церковь — филипповщина, а не странничество, не спасовщина или, какъ у васъ ее называютъ, не стариковщина: у этой церкви нѣтъ ни священства, ни полнаго числа таинствъ. Третій челоувѣкъ (Лука Ивановичъ), который читаль старопечатныя книги, знаетъ, что быть не можетъ Христовой церкви безъ священства и безъ таинствъ и что не можетъ эта церковь уничтожиться,—этотъ третій челоувѣкъ сказаль намъ: есть она, описанная въ старыхъ книгахъ, церковь, и со священствомъ и съ таинствами, да не знаемъ гдѣ; значить, онъ признался передъ нами, что у нихъ, у безпоповцевъ, этой церкви вѣтъ. Гдѣ же она? У насъ со старообрядцами споръ о томъ, гдѣ истинная церковь,—у нихъ, или у насъ. У нихъ, какъ оказывается, нѣтъ ея; всякому понятно, гдѣ она есть...

V.

Что говоритъ спасовець о филипповцахъ и кто изъ нихъ лучше?

Потомъ стали разсуждать по вопросу, почему старообрядцы отбѣгають отъ православной церкви,—особенно подробно говорили, конечно, о перстосложеніи. Было уже поздно, около 6 часовъ, а начали бесѣду въ 11. Собесѣдники утомились, нѣкоторые даже повышли вонъ,—пора было и кончить бесѣду. Я сталъ прощаться. Но тутъ, на прощаньи, какъ это нерѣдко бываетъ, съ новой силой разгорѣлся уже потухавшій было разговоръ.—Чѣмъ же вы вчера порѣшили бесѣду съ Осипомъ Михайловичемъ и какъ вы понимаете объ его вѣрѣ?—спросиль меня Лука Ивановъ (Онъ давно уже вышелъ изъ угла, куда ушелъ, разсердившись на одно мое замѣчаніе о ста-

ровѣрческихъ наставникахъ, и снова принималъ самое оживленное участіе во всѣхъ разсужденіяхъ).

— Осипъ Михайловичъ,—отвѣчалъ я,—старикъ хороший; жаль только, что этотъ „спасовецъ“ не пребываетъ въ истинной Спасовой церкви. Истинная Спасова церковь есть та, которая основана и создана Спасомъ нашимъ Господомъ Иисусомъ Христомъ, создана такъ твердо и прочно, что, по Его собственнымъ словамъ, и врата ада не одолѣютъ ее. Осипъ Михайловичъ знаетъ, что въ этой, Христовой, церкви должны быть и священство и всѣ семь таинствъ; а въ его, Осиповой, вѣрѣ, какъ ему и вамъ извѣстно, нѣтъ ни священства, ни таинствъ: явно, что и согласіе, или общество его единовѣрцевъ, хотя и именуется Спасовымъ, на самомъ дѣлѣ не Спасова церковь, не истинная, не православная, а только одна изъ многихъ старовѣрческихъ сектъ, основанная не Спасомъ, а такимъ же, какъ Осипъ, мужикомъ (именно Кузьмой; а ваша филипповская—основана бѣглымъ солдатомъ Филиппомъ). Правда, Осипъ утѣшается тѣмъ, что все же у нихъ, спасовцевъ, истинное крещеніе, совершаемое нашими священниками, а не мужиками, какъ у безбожныхъ, по его словамъ, филипанъ.

— Такъ и зоветъ насъ безбожниками?—спросилъ Лука.

— Да, нисколько не церемонясь, такъ и честить васъ безбожниками за то, между прочимъ, что вы отмечаете наше церковное крещеніе и вторично крестите уже крещенныхъ.

— А вы съ нимъ согласны?

— Мнѣ очень жаль васъ, а долженъ признать справедливымъ его отзывъ объ васъ. Написано у святыхъ отцовъ, что кто вторично крестится, вторично распинаетъ Сына Божія. И вы, покрещеванцы, впали въ этотъ страшный грѣхъ... Правда, не вѣруя въ наше крещеніе, вы говорите, что при своемъ, филипповскомъ, крещеніи не вторично креститесь, а только впервые: но, отрекаясь отъ нашего крещенія, равно какъ и отъ всего закона нашей вѣры, вы этимъ еще болѣе увеличиваете свой грѣхъ. Святыи Апостоль Павелъ вотъ что говоритъ въ посланіи къ евреямъ (гл. 10, зач. 224): *отверглся кто закона Моисеева, безъ милосердія при двоихъ, или тріехъ свидѣ-*

телехъ умираетъ: колико мните горшія сподобится муки, иже Сына Божія поправый, и кровь заветную скверну возмнивъ, еюже освятися, и Духа благодати укоривый. Страшная казнь полагалась человѣку за отверженіе Моисеева закона: его побивали камнями. Еще большей мукой, но уже не отъ людей, а отъ Самого Бога, грозитъ апостолъ тому, кто отвергаетъ Христовъ законъ и попираетъ Сына Божія. Въ Сына Божія старовѣры вѣруютъ такъ же, какъ и мы; но кому же не извѣстно, какъ безпоповцы безчестятъ святую чашу съ пречистыми и животворящими дарами Христовыми? Развѣ не правда, что они, какъ и тѣ, о которыхъ апостолъ говоритъ, возмнили скверной кровь Новаго Завета, еюже освящаются христіане? Не укоряютъ ли безпоповцы и Духа благодати, когда въ своемъ перекрещиваніи желаютъ смыть съ себя печать дара Духа Святаго, налагаемую при крещеніи на каждаго православнаго христіанина? Я боюсь, что угроза апостола прямо падаетъ на нихъ. А угроза эта поистинѣ должна смутить всякаго, у кого есть смыслъ и совѣсть. *Страшно, говоритъ онъ, нѣкое чаяніе суда и огня ревность, поести хотящаго сопротивныйя... Въмы бо рекушаго: мнѣ отмщеніе, азъ воздамъ, глаголетъ Господь. И паки: яко судитъ Господь людемъ своимъ. Страшно есть еже впасти въ рущь Бога живаго.* Господь отомститъ и отомщаетъ тѣмъ, кто отвергается отъ вѣры, считаетъ скверною Его пречистую кровь и ругается надъ печатью Святаго Духа... Слава Богу!—Спасовщина не дерзаетъ такъ хулить святую церковь и совершаемыя въ ней Христовы таинства, какъ ваша филипповщина. А потому я считаю тѣхъ лучше васъ, и грѣхъ отступничества ихъ отъ церкви, думаю, не такъ великъ, какъ вашъ.

— А все же и они отступники? Но вѣдь у нихъ ваше крещеніе,—они не далеко ушли отъ васъ...

— Однако ушли... А надо быть вмѣстѣ, во единомъ стадѣ. *Се что добро, или что красно? но еже жити братіи вкупѣ,*—помните, какъ читается въ 132 псалмѣ! А тутъ братія раздѣлились, не захотѣли жить одной семьей. Не хорошо! Единъ Господь, едино крещеніе,—и вѣра должна быть едина. А они завели свою вѣру, собрались въ отдѣльное отъ насъ стадо безъ Христомъ поставлен-

ныхъ пастырей,—значить, отъ единства вѣры и церкви оторвались. Въ этомъ и есть ихъ грѣхъ, т.-е. въ отдѣленіи-то этомъ, въ расколѣ съ церковью,—и грѣха этого, по слову святыхъ отцовъ Кипріяна и Златоуста, даже мученическая смерть не можетъ загладить (Бес. Апост., 11 правоуч. на посл. къ Ефес.). Они,—какъ я вчера говорилъ и Осипу Михайловичу,—дѣти нашей церкви, которая, чрезъ крещеніе и муропомазаніе, по благодати Христовой, породила ихъ водою и Духомъ; но эти дѣти не захотѣли жить подъ кровлей материнскаго дома, ушли изъ него вонъ! Вообразили, неразумные, что можно жить безъ матери, безъ дома, на улицѣ, во тьмѣ кромѣшной. гдѣ приходится терпѣть и холодъ и голодъ! И не имѣя пристанища, оставивъ соборную и апостольскую церковь, не желая войти въ это пристанище,—они, дѣйствительно умираютъ голодной смертью, потому что нѣтъ у нихъ трапезы Господней, отъ которой могли бы насытиться и насладиться хлѣбомъ небеснымъ и чашею жизни. Горе имъ!

— Это вѣрно!—сказалъ Лука. Если ваше крещеніе Осипъ признаетъ за истинное, то напрасно отошелъ отъ церкви,—отъ своей матери. Безъ матери ребенку на свѣтъ не родиться, да и жить на свѣтѣ безъ матери малому ребенку мудрено...

— Вотъ умудряются жъ! Говорятъ: проживемъ безъ матери!—мать наша заблуждается. Забыли они пятую заповѣдь, которая велитъ каждому чтить свою мать, а не учить ее, не осуждать. Спасовцы отошли отъ матери-церкви и погибаютъ безъ нея... Впрочемъ. въ этомъ у нихъ общая судьба и съ вами, филипповцами.

— А какъ же вы сказали, что спасовцы лучше насъ? Какая же, по-вашему, разница между ними и нами?

— Разница? Вотъ какая. Спасовцы, говорю я, непокорные, блудные сыны, ушедшіе изъ дома родной своей матери на страну далече и тамъ гиблющіе голодомъ; а вы, точно такъ же оставивъ мать-церковь, еще не довольствуетесь тѣмъ, что оставили ее и что вмѣстѣ со спасовцами произносите на нее хулы и осужденія,—вы еще вовсе отъ нея отрекаетесь. Вотъ что вы говорите матери-церкви: „Ты намъ не мать! Ты насъ не рождала“ (т.-е. вы

не считаете даже себя христіанами послѣ церковнаго крещенія)! Но такъ какъ и сами знаете, что нельзя быть христіаниномъ безъ крещенія, какъ нельзя быть человѣкомъ безъ рожденія, то вы и придумали: „мы сами себя окрестимъ!“ И, дѣйствительно, перекрещиваетесь. Но вѣдь это уже чистое безумство! Дѣти будто бы могутъ рождаться на свѣтъ безъ матери! Могутъ сами себя родить!—Разсуждайте же теперь: кто лучше—филипповщина, или спасовщина?.. По-моему, у спасовцевъ хоть то хорошо, что у нихъ истинное церковное крещеніе и мвропомазаніе. А у васъ, филипповцевъ, церковнаго, т.-е. истиннаго, нѣтъ ничего; вы, вовсе отдѣлившись отъ церкви, незаконно, какъ говоритъ Осипъ, завели все свое, кромѣ, впрочемъ, брака; да и онъ у васъ, какъ и у спасовцевъ, ворованный.

— Какъ ворованный?

— Воръ ходитъ въ церковь зачѣмъ? Чтобы унести изъ нея деньги, сосуды, ризы съ иконъ. Укралъ и больше не пойдетъ въ церковь до новой кражи. Спасовцу понадобилось крещеніе; своего—нѣтъ: онъ идетъ въ церковь и крадетъ у нея крещеніе. Затѣмъ она ему не нужна, и онъ безъ нея обходится. Потомъ приходитъ пора и спасовцу, да и вамъ, филипповцамъ, жениться; своего брака у васъ и у нихъ нѣтъ: и опять идете въ церковь, крадете у нея бракъ, и больше ни ногой уже въ церковь. Выкрали бракъ, и рады! Спросите у любого старовѣра, былъ ли онъ въ церкви хоть разъ послѣ своей свадьбы!

— Это вѣрно, вѣрно!—засмѣялись мужики.—Спросите-ка у самого Луки Ивановича, давно ли онъ былъ въ храмъ Божіемъ!

— Нечего и спрашивать. Не одинъ онъ, всѣ они такіе же,—обокрадутъ мать-церковь, и прочь отъ нея! Судите же вы, старовѣры, какова вѣра ваша: приходится то похищать, что нужно, какъ грабителямъ, то побираться и попрошайничать, какъ нищимъ, то обходиться и совсѣмъ безъ необходимыхъ для христіанина таинствъ мвропомазанія и причащенія, точно евреямъ или совсѣмъ невѣрующимъ.

— И съ кѣмъ только вы насъ не сравниваете?!—сказали съ упрекомъ мнѣ кое-кто изъ моихъ собесѣдниковъ.

— Не обижайтесь!—отвѣтилъ я.—Развѣ не правда то, что я говорю о старовѣрахъ? Сравните же вы себя съ

истинной Христовой церковью: у нея все свое, не краденое, не прошеное,—все въ дарованной Господомъ полнотѣ, а не въ скудости и умаленіи; и все совершается законными лицами и законнымъ порядкомъ, по установленію Христову, а не самочинно и самозванно. Настоящая Христова церковь есть истинная мать для вѣрующихъ въ нее; она не губитъ, но спасаетъ своихъ чадъ. Мы уже бесѣдовали объ отношеніяхъ этой матери къ ея дѣтямъ,—и вѣрно Лука Ивановичъ тогда сказалъ: какъ дѣтямъ жить безъ матери? Да, кто безъ матери будетъ ихъ поить, кормить, воспитывать? Спасовцы оставили свою мать; мать зоветъ ихъ обратно къ себѣ, они слышатъ ея голосъ,—но не идутъ къ ней на ея призывъ, а все дальше и дальше убѣгаютъ отъ нея и умираютъ на глазахъ у своей матери, но вчужѣ отъ нея... Лука Ивановичъ говорилъ, что и самъ не знаетъ, гдѣ ихъ мать нынѣ скрывается. Но отъ этого дѣтямъ не легче, что мать скрывается въ неизвѣстности! И что это за мать о которой говорятъ: скрылась, не сказавшись куда, а дѣтей бросила на произволь судьбы!

— А можетъ, ея и совсѣмъ уже нѣтъ на свѣтѣ? — замѣтилъ кто-то.

— Да вѣдь объ этомъ уже была рѣчь. Но... если нынѣ нѣтъ на свѣтѣ церкви, которая основана Христомъ и существовала до Никона патріарха, то безпоповцамъ давно пора выбросить одинъ изъ 12 членовъ символа вѣры именно 9-й: „(вѣрую) во едину, святую, соборную и апостольскую церковь“. Мы, православные, признаемъ, что эта, существовавшая до Никона, церковь существуетъ доннынѣ и будетъ существовать до скончанія вѣка, потому и вѣруемъ въ нее; безпоповцы говорятъ, что этой церкви уже нѣтъ теперь,—и остается имъ только плакать о ней, но вѣровать въ нее уже нельзя, потому что и вѣровать уже не во что. Вѣдь ея, говорятъ, нѣтъ на свѣтѣ! Какая вѣра въ мертвую церковь?! Если же не хотятъ они выбрасывать изъ символа 9-й членъ о церкви, то должны читать его такъ: „не вѣрую во едину, святую, соборную и апостольскую церковь“. Вѣрующій говоритъ: вѣрую въ Бога, есть Богъ; невѣрующій говоритъ: не вѣрую въ Бога, нѣсть Богъ. Но мы знаемъ, что, какъ есть Богъ, такъ есть и церковь, и вѣруемъ вмѣстѣ со святыми от-

цами, что кому церковь не мать, тому Богъ не Отецъ. Есть церковь, мы вѣруемъ въ нее; а вы говорите: можетъ-быть, ея и нѣтъ!..

— Ну, какъ не вѣровать въ церковь!—есть она, и мы вѣруемъ въ нее! Кто это тамъ пустословить, что нѣтъ ея?!

— И слава Богу! Но у безпоповцевъ, по всѣмъ старымъ книгамъ выходитъ, церкви нѣтъ. Безъ церкви же невозможно никому спастись,—они сами знаютъ это и невольно исповѣдуютъ. Если не хотятъ погибнуть навѣки, они должны обратиться къ единой, святой, соборной и апостольской церкви, и она, чадолюбивая мать, приметъ ихъ со всепрощеніемъ и любовью. Случается, что среди бѣлаго дня вдругъ наступаетъ тьма, наступаетъ затменіе солнца; случается, что облака и туманы скрываютъ солнце отъ нашихъ глазъ, и его не видно. Но луна ли заслонила солнце, тучи ли его заволокли, оно все-таки есть, не уничтожилось, все попрежнему горитъ и свѣтитъ, и будетъ горѣть и свѣтитъ до тѣхъ поръ, пока судить Господь быть небу и земли. Такъ и церковь: она есть солнце для людей. Настоящее, истинное солнце не церковь, а Христось; но такъ какъ Христось въ церкви и церковь во Христѣ и въ Него облечена, какъ въ ризу, по написанному: *жена облечена въ солнце*, то и церковь чрезъ Христа есть солнце для міра людскаго. И легче на небѣ солнцу угаснуть, нежели церкви безъ вѣсти быть. Маловѣріе и невѣріе въ непреложность обѣтованій Господнихъ о церкви заслонили ее отъ старовѣровъ; разныя недоумѣнія, какъ облака, скрыли отъ нихъ ея свѣтлый ликъ,—и они не видятъ ее... Бѣдны старовѣры! Зачѣмъ же вы сами себѣ сдѣлали это затменіе? Образумьтесь, и снова для васъ возсіяетъ церковь, невѣста Христова и мать христіанъ, во всей ея Богомъ данной красѣ..

— Охъ!.. Сами плачемъ!.. Сами знаемъ, что церковь—невѣста Христова, что не спастись никому безъ нея!..

Это былъ невольный, очень трогательный вопль, вырвавшійся изъ чьей-то груди... И я началъ говорить, что если безъ церкви не спастись, то необходимо отыскать ее и что отыскать ее вовсе не трудно...

